

Александр РАЗИН*
Moskiewski Państwowy Uniwersytet im. M. Łomonosowa

ПУБЛИЧНАЯ МОРАЛЬ

В статье демонстрируется различие между традиционной этикой построенной на базе моральных отношений, возникающих между близко знающими друг друга людьми (так называемая соседская этика) и этикой необходимой для публичной морали. Последняя предполагает отношения между большими группами людей, императивы, связанные с исполнением публичных функций, добродетели, ориентирующие на стандарты совершенства во владении современными технологиями и средствами труда. В публичной морали принцип «относись к другому так же, как ты хотел бы, чтобы относились к тебе самому» (золотое правило) получает существенные ограничения. Одной из характеристик нормативов публичной морали является их институционализация, тяготение к механизмам жесткого контроля поведения, что отражается в создании различных кодексов. Но, с нашей точки зрения это не ограничивает возможности этики добродетелей, которая, наоборот получает расширение внутри самих кодексов.

В последнее время появилось много публикаций, посвященных вопросам публичной морали. В отечественной и западной литературе отмечается необходимость разделения индивидуальной нравственности и морали публичной сферы.

Интерес к этой проблеме не случаен. Он связан с существенными изменениями общества и последовавшими за этим изменениями морали.

А.А. Гусейнов называет современное общество «посттрадиционным»ⁱ. В качестве его специфических особенностей отмечается быстрое изменение моральных представлений, стремление к институционализации морали, расширение сферы нравственно нейтрального. Анализируя уже имеющуюся литературу, в которой так или иначе отражается проблема публичной морали, Р.Г. Апресян приходит к выводу о необходимости разграничения индивидуальной этики совершенствования и общественной моралиⁱⁱ. В западных источниках предлагаются несколько иные решения: публичная мораль и индивидуальная нравственность (Т. Нагел), социальная и индивидуальная этика (А. Рих), правила публичной жизни и индивидуального поведения (Р. Гудин).

При дальнейшем рассмотрении темы мы будем использовать термины публичная мораль и индивидуальная нравственность. Они кажутся нам более точными, так как всякая мораль по своей сущности общественная, а совершенствоваться можно не только в сфере частной моральной жизни (в семье, в отно-

* Prof. dr hab. Aleksandr RAZIN, Katedra Etyki, Wydział Filozoficzny, Moskiewski Państwowy Uniwersytet im. Michaiła Łomonosowa.

шении к близким) но и в публичной сфере, где человек имеет дело с отношением к большим группам людей.

В качестве специфических черт нравственной жизни современного общества, по поводу которых согласны большинство исследователей, называются:

1. Моральный плюрализм, развитие систем профессиональных и корпоративных кодексов, отражение многообразия культур, разделение морали по этническим признакам.
2. Сближение морали и права, институционализация морали (формализация требований и ужесточение санкций).
3. Ориентация этических правил на стандарт, противопоставление этого призыву к безграничному совершенствованию в христианском смысле (будьте совершенны как отец ваш небесный).
4. Коллективные решения и коллективная ответственность.
5. Утилитарный подход, предполагающий принятие решений на основе логики меньшего зла (что не всегда безупречно, так как предполагает использование каких-то групп людей или отдельных личностей в качестве средства).

В самом общем плане можно сказать, что индивидуальная нравственность касается такого поведения личности, последствия которого не затрагивают непосредственно большого числа других людей (какими должны быть правильно организованные сексуальные отношения, как нужно жить, чтобы быть счастливым и т.д.). В публичной морали индивидуальное поведение, наоборот, непосредственно касается большого числа других людей. При этом сами группы людей идентифицируются как имеющие определенную специфику, отличающиеся от других групп. Здесь поэтому оказывается неприменим в полной мере принцип «относись к другому так же, как ты хотел бы, чтобы относились к тебе самому». Императивами публичной морали могут быть положения типа «не будь расистом», «принимай участие в выборах», если ты выполняешь какую-либо общую общественную функцию, то выполняй свои обязанности честно, не оказывая преимуществ кому-либо в соответствии с твоими личными симпатиями и антипатиями и др.

Ясно, что, при исполнении многих публичных функций, оказывается просто невозможно относиться к другому так же, как к самому себе. Человек по необходимости оказывается вынужденным действовать против другого. В работе Этика для противников Артур Аппельбаум отмечает: «Профессионалы и политические деятели исполняют роли, которые часто заставляют действовать на основе противоположных намерений, стремиться достигнуть несовместимых целей, разрушить планы другого. Адвокаты обвинения и защиты, демократы и республиканцы, государственные секретари и советники по национальной безопасности, индустриальные предприятия и защитники окружающей среды, проводящие расследование журналисты и официальные источники, врачи и страховые компании часто оказываются в ситуации друг против друга в результате исполнения их миссии, работы и агитации»ⁱⁱⁱ. Понятно, что это требует разработки особой этики, основой которой являются правила честной игры, уважения к противнику, учета общественного интереса. Необходимо также учесть отношения соподчинения, неизбежно возникающие при исполнении публичных функций, что

накладывает особые моральные обязанности, а в ряде случаев дает и право распоряжаться судьбами других людей.

Скажем, офицер может решать, кого послать на смертельно опасное задание, а кого оставить в резерве. Эти решения будут строиться на основе логики выбора меньшего зла ради устранения большего. Они также допускают то, что традиционная этика решительно запрещала, т.е. спасение жизни одних за счет жизни других. Здесь, правда, необходимо оговориться, что такие решения могут быть морально оправданными лишь в чрезвычайный период, который является официально признанным (официально объявленная война, стихийное бедствие, глобальная экологическая катастрофа, и т.д.).

Примером сознательной жертвы жизни большой группы людей ради сохранения жизни намного превосходящих по численности жизней может быть ядерная бомбардировка Хиросимы и Нагасаки. Несмотря на все ужасы применения ядерного оружия и на тот факт, что на карту была поставлена жизнь гражданского населения, американскими экспертами было посчитано, что при продолжении войны обычными вооружениями количество жертв будет измеряться миллионами. Ядерная же бомбардировка приведет к гибели 80-150 тысяч человек (примерно столько же, сколько Японцы потеряли в сражении на Окинаве, т.е. в сражении, не захватившем основных островных территорий) и прекращению войны^{iv}. После бомбардировки Япония сразу же капитулировала. В феврале 1946 г. штабом американской оккупационной армии были опубликованы данные погибших при бомбардировке: 140 тыс. в Хиросиме, 74000 в Нагасаки. Таким образом прогноз приблизительно подтвердился. Американцы считают, что в данном случае утилитарное решение, принятое на основе логики выбора меньшего зла оказалось оправданным. Правда, здесь был нарушен принцип различия (между военными и гражданскими). Понятно что такое решение было невозможно принять не отступив от традиционных моральных представлений, в этом смысле – не приняв на себя бремя особой ответственности, бремя сильных моральных переживаний, что доказала судьба некоторых из пилотов, участвовавших в ядерной бомбардировке. Ясно также, что само такое решение означает изменение моральных канонов, введение внутрь самой морали более жестких принципов взаимоотношения людей, отвечающих чрезвычайным условиям жизни общества.

Исследуя проблему современной морали, А.А. Гусейнов отмечает, что она претерпела существенные изменения по сравнению с традиционной моралью. Суть этих изменений формулируется в кратком тезисе о том, что отношения морали и цивилизации как бы меняются местами. Если раньше цивилизация подвергалась критике со стороны морали, то теперь, наоборот, цивилизация выступает в роли критика. Действительно, изменения в понимании того, что морально, а что нет, что допустимо в нашем поведении, а что считается предосудительным, происходят с невероятной быстротой. На это обращают внимание многие исследователи морали. В таком случае возникает вопрос, а есть ли вообще в морали нечто устойчивое, какую моральную концепцию мы можем принять для подтверждения истинности наших нравственных суждений. А.А. Гусейнов отмечает, что спецификой современной морали стало расширение нравственно нейтральной зоны, стремление к освобождению от мировоззренческих обоснований и, во многом, - от комплекса, связанного с развитой мотивацией, поиском индивидуальных решений. Вместо этого получает развитие институциональная этика, т.е.

этика правил, разрабатываемых для тех или иных социальных систем. «Каждая из... социальных практик оказывается тем эффективнее, чем менее она зависит от личных связей и, что особенно кажется парадоксальным, от индивидуальной моральной мотивации»^v. Это не означает, что мораль как таковая теряет свое значение. Просто «нравственность перемещается с уровня мотивов поведения на уровень сознательно задаваемых и коллективно вырабатываемых общих рамок и правил, по которым протекает соответствующая деятельность»^{vi}. Этот процесс и выражает развитие институциональной этики, характеризующей посттрадиционное общество. А.А. Гусейнов не говорит о том, что институциональная мораль полностью вытесняет этику добродетелей, связанную с развитой индивидуальной мотивацией и ориентацией на индивидуальное совершенствование. Он лишь обращает внимание на то, что соотношение двух, присутствующих в морали и ранее составляющих, заметно меняется в смысле той роли, которую они играют в современном обществе. «Этика добродетелей, связанная по преимуществу с мотивами поведения, сохраняет важное (быть может, даже возрастающее значение) в области личных отношений и во всех ситуациях, имеющих ярко выраженный личностный, индивидуализированный характер, т.е. говоря обобщенно, в зонах личностного присутствия. В системном (общественно-функциональном, профессионально-жестком) поведении она дополняется институциональной этикой»^{vii}.

Можно согласиться с тем, что отмеченные изменения связаны с изменением доли выделяемых А.А. Гусейновым моральных компонент. Расширение значимости публичной жизни общества и усложнение самого характера публичных связей несомненно приводит к необходимости кодификации морали и созданию специальных институтов, следящих за исполнением кодексов в формальном смысле.

Однако я не думаю, что сфера нравственно нейтрального в современном обществе расширяется. Например, даже в экономике, сфере традиционно рассматриваемой в качестве далекой от морали, сфере, где господствует стремление к утверждению честного интереса (именно так рассматривал экономические отношения Адам Смит), мораль современного общества все более и более завоевывает свои позиции.

В своем исследовании, посвященном вопросам доверия, Ф. Фукуяма показал, что крупные корпорации исторически возникли именно в обществах с высоким уровнем доверия, т.е. в США, Японии и Германии. Позднее к ним присоединилась Южная Корея, где крупные корпорации во многом возникли за счет вмешательства государства в экономику, но также были связаны с особенностями национального самосознания. Однако не только развитие крупных корпораций, в которых доверие людей, проявляющее себя в производственных связях между отдельными звеньями, приводит к снижению издержек на юридическое оформление договорных отношений, но и развитие отвечающих информационному обществу сетевых структур, также основано на доверии. «Не случайно, что именно американцы, с их склонностью к общественному поведению, первыми пришли к созданию современной корпорации в конце XIX - начале XX века, а японцы – к созданию сетевой организации в XX веке»^{viii}. Как же в таком случае можно отрицать роль морали в экономике?

Следует отметить и то, что сам процесс труда человека, имеющего дело со сложной техникой, требующего высокого уровня квалификации все менее и менее

поддается внешнему контролю. Условия современного труда порождают ситуацию, в которой при попытке внешнего контроля любой контролер, во-первых, должен иметь такую же квалификацию, как и реальный производитель, во вторых - затратить на проведение контрольных операций принципиально такое же время, как и человек, подвергающийся контролю. Таким образом, это ситуация, в которой на каждого отдельного производителя необходимо иметь отдельного контролера, что делает внешний контроль невозможным.

Следовательно, без развитой трудовой этики экономика оказывается невозможной, и те общества, в которых она существует, добиваются в своем экономическом развитии наибольших результатов.

Теперь возьмем процесс мотивации. Я не думаю, что более или менее жесткое определение способа взаимоотношений людей с помощью кодексов, характерное для профессиональной и корпоративной этики, в действительности приводит к ослаблению их субъективной нравственной мотивации. Это может быть верно только для норм, имеющих вид строгих негативных запретов. Они действительно однозначно решают ситуацию, как бы освобождая человека от бремени ответственности и от необходимости субъективной мотивации в случае, если обстоятельства действия точно отвечает уже принятой норме. Но анализ современных профессиональных кодексов показывает, что они содержат все больше и больше норм, имеющих позитивное выражение и достаточно общие формулировки. Возьмем, например, следующую группу норм кодекса PR деятельности, сформулированного Артуром Пейджем: «Выполнять свой долг специалиста в области публичных релейшинз так, будто от этого зависит благополучие всей вашей компании. Корпоративные отношения являются управленческой функцией. Никакую корпоративную стратегию нельзя реализовать, не приняв во внимание ее возможное воздействие на общественность. Профессионал в области публичных релейшинз является творцом политики компании, умеющим выполнять широкий спектр действий, касающихся корпоративных коммуникаций»^{ix}.

Понятно, что сформулированные в таком виде нормы требуют профессионализма, а профессионализм не может быть достигнут без субъективной мотивации, без добродетели, которая как раз и показывает путь человека к некоторому стандарту совершенства. Соответствие «вещи» своему назначению: именно таков был древний смысл античного понятия о добродетели. Поэтому добродетельный конь это хороший конь, а добродетельный человек это прежде всего человек достигший совершенства в своем профессиональном мастерстве.

В традиционной этике долг добродетели, т.е. долг, связанный с самосовершенствованием, развитием некоторого умения, рассматривался как менее строгий по отношению к долгу перед законом (для Канта это долг, связанный с категорическим императивом в его первой формулировке). Однако для публичной морали такого разграничения, с моей точки зрения, провести нельзя. В публичной морали неисполнение долга перед добродетелью также немедленно становится проступком, как и неисполнение долга перед законом. Это может быть сформулировано как служебное несоответствие, профессиональная некомпетентность, превратившаяся в преступную халатность. За это человек несет как моральную, так и юридическую ответственность, как, скажем, врач отвечает за неверно проведенную операцию или ошибочный диагноз и неправильное лечение. В публичной сфере мы постоянно сталкиваемся с ситуациями, когда человек отвечает не только

за то, что он не сделал что-то плохое, нравственно осуждаемое, но и за то, что он не выполнил то, что предусмотрено его профессиональными обязанностями. Поэтому требование профессиональной компетенции, служебного соответствия становятся важнейшими требованиями публичной морали.

Таким образом, развитие институциональной этики не ограничивает необходимости существования и не сужает сферу этики добродетелей. На мой взгляд, сама этика добродетелей проникает внутрь институциональной морали. Их взаимодействие осуществляется по принципу взаимодополнительности, а не взаимоисключения. Думаю, что значение этики добродетелей в современном обществе расширяется именно в связи с возрастанием многообразия нравственных отношений, распространением их на такие взаимоотношения людей, которые ранее считались нравственно нейтральными. Это заставляет многих современных исследователей (например, А. Макиннтаира) говорить о необходимости возрождения этики добродетелей.

Стандарт это требование профессиональной квалификации, требование соответствующей этому стандарту степени личного совершенства. Но путь к самому этому совершенству имеет свои особенности для каждого человека, связан с усилиями его воли, с преодолением всего того, что отвлекает его от соответствующего профессионального развития, и мораль уж никак не может устраниваться из этого процесса. В ряде случаев подчинение своего поведения стандарту требует и особой мотивации, направленной на ограничение чрезмерных проявлений собственной индивидуальности, особенно тогда, когда это приводит к самонадеянности, граничит с нарушением должностных инструкций, правил дорожного движения и т.д.

В развитии профессиональной этики начался массовый процесс кодифицирования моральных норм. За исполнением норм следят определенные организации: этические или апелляционные комитеты в университетах; профессиональные сообщества врачей, взявшие на себя дополнительные функции нравственной оценки; комитеты по парламентской этике, оценивающие допустимость или недопустимость поведения депутатов с моральной точки зрения; профессиональные организации бизнес коммуникаторов или организации работников по связям с общественностью, советы по журналистской этике, так или иначе следящие за тем, чтобы общество получало правдивую информацию о состоянии дел в отдельных корпорациях и общественной жизни в целом. Организации защищают и своих членов от влияния со стороны иных общественных структур благодаря использованию тех же кодексов (например, защищают члена профессиональной ассоциации PR деятельности от попыток работодателя толкнуть его к искажению информации).

Отсюда ясно, что мораль в своем практическом функционировании приобретает такие черты, которые ранее были характерны для более формализованных регуляторов поведения: традиции, толкование которых осуществлял совет старейших; права, опирающегося на систему судопроизводства; церковного суда, также связанного со специальными органами внутри церковной иерархии; и т.д. В нашей литературе эти черты определялись ранее как институциональные, хотя в западной традиции институтом считается и сама норма, в том числе и моральная.

Кодексы профессиональной этики разрабатываются авторитетными специалистами в данной области деятельности, чаще всего уже объединенными в некоторые

профессиональные организации. Эти организации имеют свою структуру, руководящие органы, так что характерное для традиционной морали единство субъекта, создающего норму морали, и объекта ее действия в институциональной этике может быть разделено.

Нормы профессиональной этики оказываются обращенными уже не ко всем людям Земли или не ко всем существам, наделенным разумом, как полагал Кант, а к представителям данной профессии. Обязательства налагаются на личность в зависимости от характера выполняемой ею общественной функции, что не всегда происходит добровольно.

Наряду с делением морали по профессиональному признаку возникло ее разделение по принципу корпоративной принадлежности. Многие современные корпорации выработали свои этические кодексы, провозгласили собственные нравственные миссии, в которых отражается то, как деятельность данной корпорации способствует возрастанию общественного блага в целом, как данный вид бизнеса способствует удовлетворению потребностей людей.

К этому надо добавить, что ряд видов моральной деятельности, традиционно относимых к морально поощряемой активности каждой личности (например, – забота о ближнем, взаимопомощь), в современном обществе становятся также предметом деятельности специальных государственных органов. Люди, работающие в таких органах, по существу выполняют особые нравственные функции, обслуживающие все общество. Но в результате этого мотивация, ориентированная на личное добродетельное поведение традиционного характера, неизбежно снижается.

Многие исследователи публичной морали полагают возможным рассматривать ее утилитарно в связи с приоритетом общего блага, по отношению к счастью отдельной личности. Утилитарный принцип действительно работает в публичной морали в случае принятия политических и экономических решений в интересах большинства. Он, собственно, заложен в саму демократическую процедуру, в соответствии с которой организована политическая жизнь современного общества.

Но публичная мораль не является исключительно утилитарной. Современное общество уже пришло к пониманию того, что во многих случаях жертвовать личным интересом во имя большего общественного блага нельзя. Я думаю, что наиболее признанные в современном мире этические концепции, скажем такие, как Дж. Ролз или Ю. Хабермаса всегда представляют собой сочетание некоторых утилитарных принципов и абсолютных моральных ограничений.

Утилитаризм действительно совместим с коллективными решениями, с рассуждением на основе применения логики выбора наименьшего зла. Р. Гудин в книге «Утилитаризм как публичная философия» отмечает, что «по крайней мере одна нормативная теория – утилитаризм, может быть хороша в качестве нормативного руководства для публичной жизни и без того, чтобы она была совершенным руководством для индивидуального поведения»^х. Другие авторы, тем не менее, критикуют утилитаризм за его несовместимость с принципом публичности. Ведь утилитаризм предполагает возможность жертвы интересами меньшинства. Но меньшинство никогда не будет согласно на это, если подобная политика будет открыто провозглашена. Понимая сложности, которые возникают в утилитарной теории с принципом публичности, Сиджвик провозгласил, что утилитаризм не только должен допускать ограничение в применении принципа публичности, но

и сам не может быть распространен среди широких масс. (Sidgwick, 1966. P. 490.). Таким образом, Сиджвик утверждает, что утилитаризм может быть достоянием только некоторой интеллектуальной элиты. Массы же более счастливы, если они не верят в утилитаризм.

Анализируя этот подход, Д. Лубан говорит, что теория Сиджвика не только нарушает принцип публичности, но нарушает его сразу на двух уровнях^{xi}. На уровне действия теории и на уровне ее распространения. Понятно, однако, что в политике, отчасти – в юриспруденции, принцип публичности не может быть реализован в полной мере. Лубан приводит здесь интересные примеры, связанные с ядерным блефом (угроза применения ядерного оружия без реального желания его применить), или – случаем оправдательного приговора по смягчающим обстоятельствам, что, однако, не может быть открыто провозглашаемым принципом судопроизводства, так как приведет к искажению мотивов правоуправного поведения.

Тем не менее, несомненно, что принцип публичности, гласности является важнейшим достижением современного понимания демократии. Его принципиальное отвержение означало бы огромную культурную потерю, означало бы возможность проведения политики, направленной против интересов масс. Но тогда и теория, допускающая принципиальную возможность такого отвержения, не может быть принята как основополагающая для осуществления решений в сфере публичной морали.

Сказанное не означает, что утилитаризм здесь совершенно неприменим. Для многих конкретных решений рассуждение с позиций утилитаризма является единственно возможным подходом. Понятно, например, что если ресурсы для проведения спасательной операции ограничены, нужно спасать тех, кого более вероятно спасти, и проводить спасательную операцию там, где находится большее число оставшихся в живых людей. В то же время в других ситуациях утилитаризм оказывается очевидно неприменим в сфере публичной жизни.

Для разъяснения данного положения воспользуемся примером, приводимым Гильбертом Харманом в качестве одного из аргументов против утилитаризма^{xii}. Если в госпиталь привезли шесть раненых в результате несчастного случая людей. Один из них в крайне тяжелом состоянии. В принципе его можно спасти, если сосредоточить все имеющиеся ресурсы. Но тогда погибнут пять остальных. В такой ситуации, в общем-то, целесообразно спасать прежде всего пять относительно легко раненых. Но в другой ситуации, если в госпитале имеется пять нуждающихся в органах для пересадки больных и есть один здоровый, находящийся на обследовании пациент, будет конечно недопустимо убить его для того, чтобы пересадить органы больным. Совершенно очевидно, что рассуждать здесь с утилитарной позиции нельзя, потому, что есть неотъемлемые права человека, среди которых на первом месте стоит право на жизнь. В основе этого права лежит древнее, сформулированное еще в иудаизме положение, согласно которому жизнь одного человека нельзя обменивать на жизнь другого.

В целом же можно сказать, что в публичной жизни коллективные, в том числе – и анонимные, решения могут приниматься. Часто они недоступны для прямой оценки со стороны масс. В них могут нарушаться некоторые традиционные нравственные требования. В частности – универсализация, как контроль императивов на их нравственную приемлемость, публичность, как сторона

выражения той же универсализации. Но сами эти исключения должны быть основаны на разработанных и принятых обществом правилах. Они не могут быть произволом отдельных лиц.

CIVIL MORALITY

Summary

In the article it is demonstrated the difference of traditional Ethics based on moral relations between people who were in close contacts (so called neighbor Ethics) and Ethics that is necessary for public morality. The last one supposes relationships between big groups of people, imperatives connected with the realization of public functions, virtues that supposes standards of knowing the contemporary technologies and capabilities of working with the modern means of labor. In the public morality principle "relate to others as if you want the others relate to you" (the golden rule) has a considerable limitation. One of the specific features of the imperatives of public morality is their formalization trend to be like law that reflected in the development of various codes. But in our opinion this is not the limitation of virtue Ethics. On the contrary, it gets a new meaning inside of codes.

MORALNOŚĆ OBYWATELSKA

Streszczenie

W artykule omówiono różnicę pomiędzy etyką tradycyjną opartą na moralnych zasadach pomiędzy ludźmi, którzy są z sobą w bliskim kontakcie (tzw. etyka sąsiedzka), a etyką konieczną do zachowania moralności publicznej. Ta ostatnia wskazuje na związek pomiędzy dużymi grupami ludzi, osobami zarządzającymi, pełniącymi funkcje publiczne, które przyjmują współczesne technologie, jak również umiejętności współpracy za pomocą nowoczesnych środków. Główna zasada moralności, a tym samym jej złota reguła "traktuj innych tak samo, jakbyś chciał, aby inni cię traktowali", ma pewne ograniczenia. Jedną z takich cech publicznej moralności jest to, że jest ona jak prawo, które ma swoje odzwierciedlenie w różnych kodach. Jednak w opinii autora nie jest to ograniczenie cnót, wręcz przeciwnie, kody te przekazują nowe znaczenie.

Złożono w redakcji w czerwcu 2009 r.

ⁱ Гусейнов А.А., *Философия, мораль, политика*. М.: ИКЦ «Академкнига», 2002.

ⁱⁱ Апресян Р.Г., *Понятие общественной морали. Вопросы философии*, 2006, no 5

ⁱⁱⁱ Appelbaum A. *Ethics for Adversaries. The Morality of Roles in Public and Professionals Life*. Princeton, Princeton University Press, 1999. P. 5.

^{iv} См.: *Нравственные ограничения войны: Проблемы и примеры*, М.: Гардарики, 2002. с. 181.

^v Гусейнов А.А., *Философия, мораль, политика*, М.: ИКЦ «Академкнига», 2002. с. 119.

^{vi} Гусейнов А.А., *Философия, мораль, политика*, М.: ИКЦ «Академкнига», 2002. с. 121.

^{vii} Гусейнов А.А., *Философия, мораль, политика*, М.: ИКЦ «Академкнига», 2002. с. 123.

^{viii} Фукуяма Ф., *Доверие*. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. с. 55.

^{ix} Цит. по: Скотт М. Катлип, Аллен Х. Центр, Глен М. Брум, *Паблик рилейшенз. Теория и практика*. Москва 2000 г. с. 204.

^x Goodin R., *Utilitarianism as a Public Philosophy*. Cambridge University Press, 1995. P.4.

^{xi} Luban D. *The Publicity Principle //The Theory of Institutional Design.*, Ed. By Robert E. Goodin. Cambridge University Press, 1996. P. 167.

^{xii} Xarman G., *The nature of Morality //Ethics. History, theory and Contemporary Issues*. Second Edition. NY, Oxford, Oxford University Press. 2002. P. 634.